

И. С. Сгенцицкая

РОЛЬ ЧАСТНЫХ СООБЩЕСТВ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПОЛИСОВ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО И РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

(По материалам Малой Азии)

На протяжении всего существования античного мира жизнь свободно-го грека — его поведение, привычки, моральные нормы и политические идеалы — определялись сложной системой связей, гражданских, родственных, товарищеских. Он был не только членом гражданского коллектива, но входил в различные сообщества: ойкос, дем, фратрию, филу; он мог быть участником культовых и погребальных братств, землячества — если переезжал в другой город — и т. п. В различные исторические эпохи на первый план выдвигались разные связи, но существование небольших объединений частного характера оставалось важной особенностью общественной и частной жизни в греческом полисе.

Наибольшее число свидетельств о различного рода частных объединениях относится к эллинистическому и римскому времени (как кажется, не случайно). В задачу настоящей статьи не входит сколько-нибудь подробное рассмотрение всех типов подобных объединений и их внутренней структуры; моя цель — проследить основные тенденции в развитии частных ассоциаций в связи с изменениями общественной структуры и политической роли полисов, а также определить их роль во внутренней жизни греческих городов.

Для того, чтобы понять причины распространения частных сообществ в городах эллинистического времени, следует несколько слов сказать о предшествующем периоде. Для классической Греции характерна связь разного рода объединений граждан с административно-политической структурой полиса. В процессе формирования полисов происходило разрушение родовых связей: уже в гомеровских поэмах род не выступает как реальная общность. По словам Ю. В. Андреева, распадывание жестких гентильных организаций к концу гомеровского периода зашло достаточно далеко¹. В связи с миграциями род утратил не только свою экономическую роль, но оказался не в состоянии выполнять социальную функцию контроля и взаимопомощи.

Разрушение родовых связей большинства населения сопровождалось обособлением знатных родов и семей, сохранявших свою, пусть иногда искусственную, генеалогию; вокруг знатных семей образовывались группировки — товарищеские (гетайры), клиентские (терапонты), которые служили укреплению политического господства знати². Борьба демоса со знатью в VII—VI вв. до н. э. хотя и не уничтожила знатных родов, раз-

¹ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1977, с. 106.

² Murray O. Early Greece. Oxf., 1980, p. 49.

рушила их монолитность и консолидацию. Аристотель пишет, что для демократии характерно стремление к тому, «чтобы все как можно больше перемешались между собою и чтобы прежние объединения были разбиты» (Arist., Pol. VI, 2; в качестве примера он приводит Клисфена и демократов в Кирене). В Афинах после реформ Клисфена основной микрогруппой внутри гражданского коллектива стал дем со своим внутренним самоуправлением, общественной собственностью, своими святилищами. Дем в известной мере принял на себя функцию рода, в частности и функцию взаимопомощи. Богатые граждане помогали своим «содемотам»: так, Кимон всякому, происходящему из дема Лакиадов, давал ежедневное довольствие, а земли его не были огорожены, чтобы желающие могли пользоваться плодами (Arist., Ath. pol. 27, 3).

Каждый афинский гражданин входил в сакральную организацию — фратрию, основанную первоначально на родстве, действительно или мнимом³. Фратрии, как и демы, играли роль при признании гражданских прав, они выступали как объединения, оказывающие помощь своим членам, предоставляя беспроцентные займы. Дельфийские фратрии устраивали общественные пиршества. Характерно, что религиозные союзы, образованные группой граждан для почитания какого-либо божества или героя, входили как составная часть во фратрии (союзы фиасотов и оргеонов; последние включали лиц, не связанных родством⁴). Как указывает историк греческого права Дж. У. Джонс, подобные союзы в классический период были связаны с политической структурой греческого общества⁵. Можно считать, конечно, преувеличением слова Фергюсона о том, что в V и в начале IV в. до н. э. государство (имеется в виду афинское) настолько полно соответствовало идеальным интересам граждан, что многие полагали «бесполезной роскошью» вступать в братства⁶, но V в. действительно дает мало примеров частных ассоциаций (вплоть до Пелопоннесской войны): общественная и частная жизнь была тесно связана с полисными институтами, а публичность всей жизни была нормой. Недаром одним из наказаний в Афинах был запрет появляться в общественных и священных местах — неполная атимия (см. Dem., XX, 15). В этих условиях потребности в создании дополнительных сообществ у основной массы демоса, вероятно, не было (разумеется, наиболее знатные аристократические роды старались сохранить свою общность, но таких родов было немного).

Ассоциациями, не входившими в политическую структуру полисов в V — начале IV в. до н. э., были землячества — объединения выходцев из одного города или страны. Появление таких землячеств кажется естественным: оно определялось все той же потребностью в коллективных формах жизни, которая была свойственна античному миру (а может быть, и не только античному). Различные причины, прежде всего экономические, приводили к тому что разные люди, купцы и ремесленники, поселялись в чужих городах, — но и там они хотели сохранить видимость своего прежнего быта. Землячества объединялись вокруг святилища своего отеческого божества, где происходили их общие собрания и празднества. Для того, чтобы построить святилище, необходимо было иметь земельный участок: до нас дошло несколько постановлений (или упоминаний о них) афинского

³ Есть точка зрения, что фратрии возникли из внеродовых объединений вокруг аристократических семей (отряды гейтаров); эти объединения имели тенденцию превращаться в наследственные (Murray. Op. cit., p. 55). О фратриях классического времени см. Глушкина Л. М. Дельфийский полис в IV в. до н. э. — В кн.: Античная Греция. Т. 2. М., 1983, с. 59 слл.

⁴ Перечень греческих союзов в разные периоды, в том числе и разбор надписей с упоминанием оргеонов и тиасотов, дан в книге: Ziebarth E. Das griechische Vereinwesen. Lpz., 1896 (о тиасотах и оргеонах — см. с. 134 слл.). Выводы Цибарта о характере и времени распространения этих союзов остаются в силе до сих пор. См. также: Foucart P. Des Associations religieuses chez les Grecs. P., 1873; Poland F. Geschichte des griechische Vereinwesens. Lpz., 1909.

⁵ Jones J. W. The Law and Legal Theory of the Greeks. Oxf., 1956, p. 159.

⁶ Ferguson W. S. Hellenistic Athens. L., 1911, p. 216.

демоса о выделении определенного места для строительства святилищ ассоциациями (египтян, фракийцев, выходцев из города Кития ⁷). Таким образом, эти ассоциации фактически могли действовать только с согласия полиса.

Религиозные союзы граждан также имели каждый свое святилище, дом, участок земли — в одной надписи IV в. говорится о сдаче в аренду участка около святилища героя Эгрета, почитаемого оргеонами; в дни собраний союза арендатор должен был предоставить в его распоряжение дом, ложа и столы ⁸. Упоминание о столах свидетельствует о том, что члены союза не ограничивались ритуальными действиями в святилище: их собрания сопровождалась трапезой, во время которой и происходило их общение друг с другом. Оргеоны, таким образом, составляли реальное микросообщество, но при этом они входили в более широкое объединение — фратрию, тем самым являясь частью общественной структуры полиса.

К концу V — началу IV в. до н. э. относятся упоминания о частных товарищеских объединениях внутри гражданского коллектива, не связанных непосредственно с политической организацией (профессиональных коллегий типа римских в классической Греции не засвидетельствовано). Объединения эти — по преимуществу городские; вероятно, именно в городе раньше возникла потребность в дополнительных связях с более узким кругом людей: принадлежность к дему была наследственной, и переселение в город из сельских местностей означало потерю реальной связи с демотами. Некоторые из товарищеских объединений первоначально не имели определенной структуры и носили временный характер; так, в Афинах IV в. до н. э. распространяются объединения частных лиц для оказания помощи своим членам путем беспроцентных займов ⁹. В составе залогодателей могли быть люди, связанные родственными, деловыми, дружескими связями, такие займы назывались «эранос». Интересно, что слово *ἔρανος* означало также дружеский пир вклядчину; например, в «Одиссее» Афина спрашивает Телемаха по поводу собрания женихов: «Это праздник или свадьба? Во всяком случае, это не эранос» (Ном., Od. I, 266; в значении «пир» это слово употреблено и в Od. XI, 415). Перенос значения слова «эранос» на беспроцентные займы показывает, что в представление о дружеских связях входило и совместное времяпрепровождение за общим пиршественным столом, и оказание помощи.

По-видимому, уже в IV в. временные объединения для оказания денежной помощи становятся постоянными ассоциациями — появляются союзы эранистов. Правда, большинство упоминаний о них относится уже к эллинистическому времени. Такие объединения могли, помимо граждан, включать метеков, вольноотпущенников и рабов; как считает Л. М. Глускина, эраной-союзы эллинистического периода были преимущественно организациями низов, но первые примеры таких союзов появились в социальной практике еще в IV в. до н. э. ¹⁰ Можно думать, что именно социальные низы раньше и острее ощутили упадок полисной солидарности; кризисные явления, с одной стороны, порождали потребность в создании прочных связей с людьми социально близкими, а с другой — позволяли новым ассоциациям, даже ассоциациям метеков и рабов, более успешно защищать свои интересы, поскольку им уже не противостояла воля единого сплоченного гражданского коллектива.

Постоянные союзы эранистов не были только союзами взаимопомощи; у них, как и у тиасотов и оргеонов, был свой культ. Аристотель в «Нико-

⁷ *Pečírka J.* The Formula for the Grant of Enktesis in Attic Inscriptions. Praha, 1966 p. 59 ff., 122 ff.

⁸ Об этой надписи см. *Глускина Л. М.* Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975, с. 108.

⁹ Эти объединения подробно охарактеризованы в вышеупомянутой книге Л. М. Глускиной (гл. IV).

¹⁰ *Глускина.* Проблемы социально-экономической истории..., с. 117.

маховой этике» говорит, что тиасоты и эранисты объединяются ради получения удовольствия (*διὰ ἡδονῆν*), так как эти объединения служат для жертвоприношений и совместного препровождения времени (Arist., Eth. Nic. 8, 11). Существование общего культа и святилища, пусть небольшого, было обязательным признаком объединений. Бог-покровитель союза, как и бог-покровитель полиса, олицетворял единство союза, укреплял и освящал связь между собой людей, в данный союз входивших. Дни празднеств в честь божества были днями их общих собраний: общий культ вносил не только сакральный смысл в деятельность союза, но и определенный порядок в их «совместное препровождение времени».

Мы мало знаем о внутренней организации и деятельности союзов рубежа классического и эллинистического времени. Члены ассоциаций делали взносы на общие нужды (в том числе и на погребение своих членов). Большинство объединений не противоречило полисному образу жизни¹¹ и в известной мере его копировало: Аристотель замечает, что «все объединения подобны частям государства» (Eth. Nic. 9, 4). Можно думать, что частные ассоциации восполняли потребность в общении в условиях обострения в IV в. борьбы внутри гражданского коллектива и падения роли в повседневной жизни таких сообществ, входивших в политическую структуру, как дем или фила, а для неграждан — как бы приобщали их к формам полисной жизни, приравнивая в какой-то мере к гражданам, входившим в аналогичные ассоциации.

После завоеваний Александра Македонского происходит резкое увеличение числа различных товариществ во всем ареале Средиземноморья. Потеря многими полисами политической независимости, ослабление реальной роли гражданских институтов в городах, подчиненных царской власти, массовые переселения во вновь основанные на Востоке полисы, увеличение числа наемников-греков, покидавших свою родину ради службы в армиях эллинистических правителей, перекраивание территорий по произволу этих правителей — все это приводило к реальному ослаблению традиционных связей среди свободных греков. Естественной реакцией на это было стремление к созданию микросообществ, не связанных с политической организацией: ни с полисной, кризис которой остро ощущался в начале эллинистического периода, ни с бюрократически-монархической, чуждой еще греческому сознанию.

Как и во многих других сферах жизни, в сфере товарищеских отношений эллинизм был временем поисков, разнообразия форм, в которых проявлялись эти отношения. Можно выделить две основные тенденции при образовании союзов, объединявших частных лиц, — одни из них стремились закрепить и возродить связи традиционные, другие — найти новые формы общности и оформить новые связи, зарождавшиеся в сложном, этнически пестром мире эллинистических государств.

Примером первой тенденции можно считать возрождение в Афинах конца IV—III в. до н. э. родовых связей, часто искусственных, не восходивших к реальному древнему родству. Родовые организации, включенные в фратрии, носили сакральный характер; распад гражданского единства приводил к тому, что роды снова приобрели часть своего потерянного влияния в жизни Атики. Л. М. Глушкина, посвятившая специальную статью афинским фратриям и родам¹², отмечает, что в IV в. отдельные се-

¹¹ Я не касаюсь здесь вопроса о таких объединениях, как гетерии (или синомасии), — политических клубах, возникших в период начавшегося кризиса полиса и действовавших по отношению к полису как разрушительная сила (литература по этому вопросу обширна). Члены этих групп были связаны клятвами и даже — если судить по рассказу Андокида — совместными преступлениями. Деятельность гетерий и их отношения с полисом требуют особого исследования. Гетерии сошли на нет в условиях включения полисов в крупные державы, правители которых имели возможность подавлять политическую оппозицию.

¹² Глушкина Л. М. Фратрия и род в структуре Афинского полиса IV в. до н. э. — ВДИ, 1983, № 3, с. 39—52.

мейные группы, не имевшие древних традиций, называют себя по имени предков; слово «род» начинает применяться к группам, к которым оно ранее не применялось. Но деятельность таких родов по существу напоминает деятельность культовых ассоциаций (в политической жизни члены рода выступают как индивиды). Очень важным представляется наблюдение Л. М. Глускиной о том, что в III в. до н. э. число свидетельств о деятельности фратрий значительно сокращается; в конце концов эта деятельность была сведена на нет, в то время как упоминания о родах продолжают встречаться. По мнению Л. М. Глускиной, в Афинах род, менее связанный с полисной системой, чем фратрия, оказался более живучим. Конституирование родовых связей, в том числе и фиктивных, возможно, было связано также с консервативностью афинского демоса, который сопротивлялся проникновению новых веяний в свою среду: еще в III в. до н. э. в частных религиозных ассоциациях афиняне старались не смешиваться с негражданами; проникновение в гражданский коллектив Афин чужеземных культов и создание смешанных по своему составу союзов относятся в основном ко II—I вв. до н. э.¹³

В ряде эллинистических городов попытки закрепить родственные связи сказались в создании семейно-родовых ассоциаций вокруг культа умершего родственника. Так, галикарнасец Посидоний выделил участок и основал на нем святилище нескольких богов — Зевса Патрея, Аполлона, Мойр, Матери богов и Благого Демона (Ἀγαθὸν Δαιμόνα) своих родителей Посидония и Горгиды. Следить за отправлением культа, обрабатывать участок (куда входили поле, сад и усадьба) и, следовательно, получать с него доход должен был старший в роде учредителя. В надписи подробно оговариваются все вопросы, связанные с организацией культа, в том числе с жертвоприношениями божествам и духу родителей Посидония. Культ основан для потомков учредителя¹⁴. Робер считает возможным видеть аналогичное предписание об учреждении культа предков для родственников (συγγενῶν) еще в одной галикарнасской надписи¹⁵. На Косе также был создан своего рода семейный культ Геракла и связанных с ним божеств: на посвященном им темене стояли статуи богов и учредителя Диомедона; после его смерти потомки должны были приносить жертвы этим богам и Диомедону, жрецом тоже был старший в роде (Syll³, 734). Жительница Феры Епиктета в память об умершем муже воздвигла святилище, посвятив его Музам и мужу; в длинной надписи оговариваются все условия посвящения, отправления церемоний и жертвоприношений; культ этот обслуживался собранием родственников (τῶν συγγενῶν συναγωγήν)¹⁶. Семейные культы умерших родственников (иногда, как это было с Диомедоном, основанные еще самим почитаемым лицом при жизни) должны были поддерживать распадающиеся родственные связи; как правило, такие культы объединялись с культурами других божеств: почитаемый сородич не становился божеством в собственном смысле слова, в основе такого почитания лежал посмертный культ героев, а объединение этого культа с культом настоящих богов как бы распространяло «святость» на героизированного предка.

Для гражданина классического полиса почитание умерших предков было вполне естественно: в Афинах кандидата на ту или иную должность спрашивали, есть ли у него Аполлон Отчий и Зевс Оградный, есть ли усыпальницы предков (Arist., Ath. pol. 55,3). Забота о могилах, расположенных на наследственном участке, считалась долгом гражданина. Недаром

¹³ Ferguson. Op. cit., p. 219. Стремление отгородиться от новых веяний проявлялось в раннеэллинистических Афинах и в законах против роскоши, особенно женской (в частности, запрещалось появляться в пурпурной одежде, расшитой золотом. — Ibid., p. 45).

¹⁴ Sokolowski F. Lois sacrées d'Asie Mineure. P., 1954, № 72.

¹⁵ Robert L. Etudes anatoliennes. Recherches sur les inscriptions grecques de l'Asie Mineure. P., 1937, p. 466—468.

¹⁶ Sokolowski F. Lois sacrées des cités grecques. P., 1969, № 135.

Эсхин в речи против Тимарха, стремясь скомпрометировать последнего, патетически восклицал, что Тимарх продал даже тот участок, на котором мать умоляла похоронить ее (Aeschin., I, 99). Но в эллинистический период этот естественный порядок был нарушен, да и как мог греческий или македонский наемник, находящийся за много миль от родины своих предков, почитать их могилы? Историк греческой религии Нильссон пишет, что в период эллинизма старый культ умерших, который был сосредоточен у могильного памятника, ослаб и не давал больше удовлетворения¹⁷. Для того, чтобы сохранить семейные связи, нужно было почитать не просто могилы, а святилища героизированного предка (в условиях распространяющегося культа правителей героизация не только недавно умерших, но и живых людей могла казаться достаточно обычной); такой предок — пусть в рамках семьи — возвышал эту семью и в собственных глазах, и в глазах окружающих, а возможность хозяйственного использования темена создавала дополнительный стимул для того, чтобы такой культ продолжал существовать и сплачивать потомков.

Стремление сохранить старые этнические и полисные связи выражалось в образовании большого количества землячеств при переселении на чужбину. Землячеств особенно много было в крупных торговых центрах, притягивавших к себе выходцев из различных городов и областей (например, на Делосе и Родосе). Обычно землячества почитали своих богов или синкретические божества, сочетавшие атрибуты их родных и греческих божеств: так, на Делосе были землячества выходцев из сирийского Гиераполя, почитавших Атаргатис и Адада (ВСН, 1882, р. 495): купцы из Берита образовали ассоциацию вокруг культа Посейдона, вероятно объединявшего черты греческого и сирийского божества, покровителя мореплавателей; там же существовал и религиозный союз тирян¹⁸.

Однако наряду с объединениями, в которые входили люди, связанные общностью происхождения, в эллинистический период распространяются ассоциации, включавшие людей разных народностей и разного социального статуса. В один из союзов, существовавший в Книде, входили греки, фригиец, фракиец, финикиянин, писидиец, ливиец (SGDI, 3510). В эллинистических Афинах появились ассоциации неграждан, куда входили выходцы из разных мест, а также женщины (тоже, вероятно, негражданки)¹⁹. В небольших городах могли объединяться все жившие там неграждане: например, одна из надписей во владениях Родоса на материке сделана объединением всех там живущих, обрабатывающих землю (арендаторов?), купцов и временно проживающих (судя по терминологии, речь идет о негражданском населении)²⁰. Были фиасы, которые включали людей разного статуса: так, в один из фиасов малоазийского города Кавна входили и граждане (они в списке членов фиаса упомянуты без этникона) и неграждане (при имени которых этникон указан)²¹. Интересна надпись из эллинистической Кари, поставленная за какие-то благодеяния (начало сохранилось плохо) объединением, в которое входили выходцы из Минда, Галикарнаса, Лаодикеи, Алабанды, грамматевс г. Идимы (возможно раб), граждане Идимы (откуда надпись происходит), пять человек рабского (или зависимого) статуса: их имена даны без отчества, а после имени указано — «прирожденный» (ἐγγενής)²². Я не буду касаться здесь вопроса о значении последнего термина, отмечу только, что объединение, поставившее надпись, по-видимому, в честь какого-то своего благодетеля, состояло из людей разного происхождения и разного социаль-

¹⁷ Nilsson M. P. N. Geschichte der griechischen Religion. B. II. München, 1950, S. 110.

¹⁸ Ziebarth. Op. cit., S. 29; Foucart. Op. cit., p. 223—225.

¹⁹ Ferguson. Op. cit., p. 422.

²⁰ Fraser P. M., Bean G. E. The Rodian Peraea and the Islands. L., 1954, p. 2.

²¹ Bean G. E. Inscriptions from Caunus.— JHS, 1953, LXXIII, p. 25.

²² Bean G. E., Cook J. N. The Carian Coast III.— BSA, 1957, LII, p. 79.

ного положения. Трудно сказать, что именно их объединяло: общие занятия, общий культ, может быть, зависимость от чествуемого лица, но связи существовали и осознавались. Упомянутый союз характерен не только разнообразием статусов своих членов, но и относительно небольшим их числом (как и фиа́с из Кавна). Такие союзы представляли собой небольшие, общающиеся между собой группы, члены которых могли достаточно хорошо знать друг друга. На эллинистическом Делосе иамниты, выходцы из Палестины, поставили посвященные семитским божествам «за себя, братьев, родных и присоединяющихся граждан» (συνεβυτων πολιτων)²³; по мнению Л. Робера²⁴, глагол *συνεῖται* имеет специфический смысл в почетных надписях городов и постановлениях ассоциаций, а именно: «сходиться на совместное пиршество». В данном случае граждане выступали в роли сочувствующих, своего рода прозелитов, присоединившихся к культовому союзу, созданному чужеземцами.

Создание объединений, основанных не на традиционных (семейных или гражданских) связях продолжалось и в эпоху позднего эллинизма. В Филадельфии (Малая Азия) в I в. до н. э. был создан религиозный союз, в который, согласно его уставу, могли входить мужчины и женщины, как свободные, так и рабы²⁵. Создание смешанных ассоциаций отражало общую тенденцию в общественной жизни эллинистических полисов, которая проявилась в более тесных контактах между гражданским и негражданским населением. Неграждане участвовали в главных религиозных празднествах, в пирах и раздачах. Согласно надписям Приены II—I вв. до н. э., к религиозным торжествам и раздачам допускались кроме граждан все неграждане, как постоянно проживающие на территории города и хоры, включая рабов, так и жившие там временно выходцы из других городов (Inschr. v. Priene, № 108, 109, 111—113, 118, 123). На Кеосе к полисным празднествам привлекались неграждане и вольноотпущенники (IG, XII, 5, № 647). Эти примеры можно было бы умножить.

Во многих сферах жизни происходило фактическое сближение граждан и неграждан: значительно шире, чем в предшествующий период, полисы предоставляли право владения землей негражданам; в большом числе полисов Восточного Средиземноморья не только неграждане, но и гражданское население платило прямые налоги. Однако правовые различия оставались существенными: вся система органов полисного самоуправления была закрытой для неграждан, граждане сохраняли привилегии в доступе к общественной земле. Частные ассоциации, члены которых различались по статусу, отражали то фактическое равенство внутри отдельных групп населения города, постепенное осознание которого стало проникать в социальную психологию эпохи эллинизма, опережая правовые и политические установления.

Если мы можем достаточно легко представить себе, какую роль подобные объединения играли для лиц неполноправных статусов, то с гражданами дело обстоит иначе. Что привлекало граждан в союзы, куда входили метеки, вольноотпущенники, рабы? Разумеется, были случаи вступления в союзы, вызванные индивидуальными обстоятельствами, но все-таки, мне кажется, можно выделить и общие причины, лежавшие в основе подобных явлений. Причины эти крылись в изменении отношения к государству, к полисным божествам, развитие индивидуализма, объективно поощряемое эллинистическими монархами и их приближенными, карьеры которых показывали наглядные примеры успеха, достигнутого вне полисной сферы жизни.

Я уже говорила о том, что ассоциации объединялись вокруг того или иного культа: среди этих культов в эллинистический период было много восточных божеств — Исида, Сарапис, различные ипостаси Матери богов.

²³ Sokolowski. Lois sacrées de cités grecques, № 57.

²⁴ Robert. Op. cit., p. 184.

²⁵ Sokolowski. Lois sacrées d'Asie Mineure, № 20.

Культы чужеземных богов распространялись первоначально именно как частные культы, и лишь затем наиболее популярные из них признавались полисом и постановлениями народных собраний становились общественными²⁶. Вступление в ассоциацию почитателей восточного божества было вызвано стремлением найти богов-покровителей более могущественных, чем традиционные, «знакомые» полисные божества; с этим же связано и существование союзов почитателей многих богов²⁷. Вступление в подобные союзы для гражданина означало известную эмансипацию от унаследованных форм жизни и верований: он проявлял свою индивидуальность, выбирая себе божество (в эллинистических полисах не так уж много было возможностей для проявления личности на повседневном уровне; перейдя на царскую службу, гражданин мог ослабить свою связь с полисом, но зато он включался в гораздо более жесткую систему служебных связей). В то же время союзы создавали тот коллективизм быта, без которого гражданин существовать не мог. Во II—I вв. до н. э. влияние чужеземных культов видно уже и из афинского материала: как отмечает Фергюсон, в Афинах у граждан появляются имена с элементами имен чужеземных, прежде всего египетских божеств²⁸.

Из олимпийских божеств частные объединения больше всего чтили Диониса, наименее связанного (из греческих богов) с внутриволисной жизнью, чей культ, особенно в форме поклонения Дионису-Загрею, нес в себе элементы восточных религиозных представлений. Союзы почитателей Диониса были распространены во всем эллинистическом мире. Интерес представляет надпись фиаса дионисиастов Феры, который чувствует приближенного египетского царя и принимает его, его жену и его потомков в фиас (своего рода почетное членство). Нильссон полагает, что надпись поставлена не ферянами (судя по языку), возможно наемниками²⁹. Эта надпись указывает на вероятные египетские связи, ощущавшиеся в местном культе Диониса, и в то же время свидетельствует о том, что союз пытался найти себе покровителей вне полиса, в котором он существовал. Объединения вокруг культа Зевса встречаются или совместно с культурами других божеств или при почитании Зевса со специфическим эпитетом, — например, Зевс Φίλος или Зевс Лабрандий (древнее карийское божество, чьи почитатели проникли даже в Аттику) и т.п. Нильссон отмечает, что среди божеств ассоциации нет Гефеста, иногда встречается Афина, но чаще Аполлон, Гермес и Посейдон (последние два — для союзов купцов и моряков); отмечены эллинистические союзы в честь Асклепия³⁰. Сопоставление этих данных с данными о богах, официальных покровителях городов, говорит о том, что последние собирали меньше почитателей среди членов частных союзов, чем божества неофициальные или просто пришлые. В эллинистический период появились союзы, стоявшие вне полисов: таким был союз артистов (τέχνισταί) Диониса; его главной резиденцией был Теос, он пользовался землей, которая считалась священной и находилась вне юрисдикции полиса.

В отдельных городах были союзы почитателей царского культа (возможно, это также были межполисные союзы), но таких союзов было немного (например, союз атталистов — OGIS, 326). По-видимому, их немногочисленность объяснялась и недостаточной популярностью этих культов среди частных лиц и нежеланием людей того времени быть связанными с определенной государственной организацией, тем более что влияние тех

²⁶ См., например, надпись из Магнесии на Меандре (*Sokolowski. Lois sacrées d'Asie Mineure*, № 34), с Делоса (IG, IX, 4, 1299).

²⁷ Например, союз почитателей 12 богов в Халкедоне (*Sokolowski. Lois sacrées d'Asie Mineure*, № 2).

²⁸ *Ferguson. Op. cit.*, p. 424.

²⁹ *Nilsson M. P. The Dionysiac Mystery of Hellenistic and Roman Age. Lund, 1957*, p. 9.

³⁰ *Idem. Geschichte der griechische Religion*, S. 111—115.

или иных царей во многих греческих полисах менялось достаточно часто. Царские культы в эллинистический период были или культами династическими, внедрявшимися самими царями, или полисными, происхождение и роль которых требует особого рассмотрения.

Мы мало знаем о внутренней структуре религиозно-товарищеских объединений эллинистического периода: надписи, поставленные ими, как правило, посвятительные или почетные. Профессиональных союзов, за исключением союзов купцов, технитов Диониса, судовладельцев, было в тот период мало; есть упоминание о синергасии в Дельфах во II в. до н. э. Дошедшие надписи, регулирующие дела частных ассоциаций, указывают на то, что правила касались прежде всего организации празднеств и культовых церемоний, взносов членов. В постановлении союза почитателей Матери богов (Афины, II в. до н. э.) содержатся предписания жрицам, обслуживающим культ, — в том числе касающиеся и расходов. За невыполнение предписания союз наказывал жриц. Из этой надписи создается впечатление, что жрицы не входили в сообщество. Вообще вопрос об участии женщин в союзах совместно с мужчинами не вполне ясен: в уставе погребального товарищества из Пирея разрешается хоронить и членов семьи эраистов, но они не были членами союза³¹; в декрете оргеонов III в. до н. э. из Афин на празднествах разрешается присутствовать женам оргеонов «из рода свободных людей» (согласно чтению Соколовского³²). Нильссон пишет, что в эллинистический период союзы дионисиастов были раздельны для мужчин и женщин, хотя один случай допущения в союз женщины (упомянутой выше жены птолемеевского приближенного) он подчеркивает³³. Вероятно, тенденция допущения женщин в союзы должна была проявляться в той или иной форме, хотя большинство союзов (о некоторых исключениях см. ниже) были союзами мужчин.

Дж. У. Джонс указывает, что внутри союзов была некоторая иерархия, поскольку существовали должностные лица, управляющие делами союзов (в надписях упоминаются казначеи, гиерофеи, грамматевсы, архонты); у союзов были функции товарищеских судов: они могли наложить штраф или исключить из союза. Союз мог владеть земельным участком и использовать его в своих интересах, при этом он оставался объединением частным. Эллинистический полис не вмещивался в дела ассоциаций; важно заметить также, что не заметно какой-либо существенной связи между ассоциациями и политической организацией — полисом или монархией. Против союзов в целом не возбуждалось судебных процессов, только против отдельных членов или против основателей союзов. Как пишет Джонс, в этот период корпоративное существование было само по себе выражением возрастающей независимости группы от государства³⁴.

Хотя союзы были связаны с почитанием определенных богов, в свидетельствах о союзах не чувствуется религиозной исключительности: судя по упоминаниям обо всех гражданах и негражданах, принимавших участие в общеполисных религиозных празднествах, в этих празднествах, естественно, принимали участие и члены частных союзов. Уставы союзов не представляли особых требований к поведению своих членов. Интересным исключением, предваряющим уставы религиозных групп последующего (раннехристианского) времени, представляется устав религиозного союза, созданного в малоазийской Филадельфии в I в. до н. э. в честь Зевса и местной богини-Матери. Основателем этого союза был философ стоического направления по имени Дионисий. В союз могли входить люди обоого пола и любого социального положения, включая рабов. Вступившие в союз приносили клятву не злоумышлять ни против кого, не применять

³¹ Sokolowski. *Lois sacrées de cités grecques*, № 48; 53.

³² *Ibid.*, № 20.

³³ Nilsson. *The Dionysiac Mystery...*, p. 9.

³⁴ Jones. *Op. cit.*, p. 165 f.

наговоров и волшебства, не использовать средств, препятствующих деторождению, и не помогать другим в этом, а также «не отпадать» (т. е. не выходить из союза); в качестве наказаний использовалось публичное покаяние или отлучение от святилища — запрет (временный, вероятно) посещать основанное союзом святилище, своего рода молельный дом³⁵. Однако большинство союзов периода эллинизма не выставляло жестких нравственных требований к своим членам, хотя у них были свои наказания (штрафы и исключение из ассоциации) и награды по типу полисных (публичная похвала и увенчание), зафиксированные в надписях. Наград, как правило, удостоивались должностные лица объединения³⁶.

Расцвет эллинистических союзов падает на III—II вв. до н. э. На рубеже нашей эры в сложных условиях распространения римского владычества, Митридатых и гражданских войн деятельность групп не могла быть достаточно интенсивной. Новый подъем корпоративной жизни связан с периодом Ранней империи. Если эллинистический период был временем поисков в самых различных сферах общественной и духовной жизни — поисков новых богов, новой системы политических и личных связей, то время Ранней империи характеризуется известной стабилизацией; греческий город входит в имперскую систему более прочно, чем эллинистический — в политическую систему, созданную преемниками Александра. Распространение многочисленных ассоциаций и коллегий было также прямо или косвенно — связано с включением греческого полиса в империю.

В первые десятилетия существования императорской власти, после окончания изнурительных для восточных провинций гражданских войн, когда жители этих провинций потеряли надежду на независимость и осознали свое включение в огромную державу как непреложный и неизменный факт, стали возникать межгородские и провинциальные объединения: так, ко времени правления Тиберия относится надпись, поставленная ремесленниками провинции (οἱ ἀπὸ τῆς Ἀσίας ἐργαταὶ — IGRR, IV, 144, Кизик). Д. Маги разбирает два письма Клавдия, адресованные межполисной коллегии атлетов³⁷. Продолжала существовать в I—II вв. межполисная коллегия артистов Диониса, хотя территориальный охват этого объединения был различным в разное время. В Теосе была резиденция артистов Диониса Ионии и Геллеспонта (IGRR, IV, 1568); от времени Антонина Пия дошла надпись «великого синода» артистов Диониса, одна часть членов которого имела резиденцию в Эфесе, другая в Тиатире (IGRR, IV, 1361); в Гиераполе было создано объединение артистов Диониса со всеми победителями священных игр (οἱ ἀπὸ τῆς οἰκουμένης ἱερωνίχαι — IGRR, IV, 827). Однако межполисные союзы не получили широкого распространения, они в основном создавались людьми, по самому своему роду занятий находившимися вне полисных коллективов.

Главной формой объединений частных лиц были различные *внутригородские союзы*, члены которых имели возможность поддерживать непосредственные контакты друг с другом. Особенностью организации многих объединений римского времени была связь их — гораздо более тесная, чем в эллинистический период, — с полисным управлением и политической системой империи. К таким союзам относились прежде всего объединения, обслуживавшие культ императора, которых было неизмеримо больше, чем в свое время объединений культов почитателей эллинистических царей. Большую роль играли возрастные союзы — герусии, «молодые», «юноши». Эти союзы имели корни в глубокой древности, но в развитых классических полисах мы о них практически не слышим; в римское время возрастные союзы были по существу основаны заново и имели совсем иные функции,

³⁵ Sokolowski. Lois sacrées d'Asie Mineure, № 20.

³⁶ О структуре союзов см. Ziebarth. Op. cit., S. 171 f.

³⁷ Magie D. Roman Rule in Asia Minor. V. II. Princeton, 1950, 1402, № 12.

чем мужские союзы периода разложения родового строя³⁸. Союзы старцев и «молодые» в провинциальных городах организовывали празднества в честь императора и в то же время имели свои гимнасии, своих должностных лиц, следивших за внутренней жизнью союзов и за порядком в гимнасиях. Характерно, что среди должностных лиц союзов были жрецы культа Августов (гимнасиарх герусии — жрец культа Августов в Дорилее, адвокат герусии — жрец культа Августов в Апамее, гимнасиарх «молодых» — жрец императорского культа в Стратоникее и т. д.). Возрастные союзы чествовали также римских граждан, занимавших важные посты в военной и гражданской администрации: «молодые» Пергама присвоили военному трибуну Гаю Юлию Максиму почетный титул «сына молодых» (IGRR, IV, 445). Буле, демос и герусия Тлоса приняли общее постановление в честь римских военных командиров (IGRR, III, 558, 559). Союзы, таким образом, устанавливали связь с римским населением провинций, что способствовало, как и участие в императорских культах, включению населения полисов в общеимперскую жизнь. Но союзы старцев и «молодые» играли роль и во внутренней жизни города. У них были свои помещения для собраний; упоминание о симпосиархе одной из герусий (IGRR, IV, 229 — Скепис) свидетельствует о том, что собрания могли сопровождаться пиршеством. Существенной особенностью возрастных союзов было то, что в них могли входить люди разных социальных групп: вольноотпущенники, демоты, так же как и члены сословия декурионов (булевтов), принадлежность к которому к этому времени уже стала наследственной. В надписи об учреждении герусии в Сидиме приводятся имена людей из состава булевтов и из состава демотов, причем интересно отметить, что первым гимнасиархом этой герусии стал человек из демотов (TAM, II, 176). Таким образом, в условиях сложившейся иерархической структуры гражданского коллектива, когда кандидаты на высшие должности выдвигались фактически по договоренности булевтов между собой³⁹, союзы сохраняли, хотя бы формально, демократическую традицию, они как бы создавали связь между разделенными группами граждан; кроме того, выходя из низших сословий, имевшие определенные имущественные возможности и влияние, могли через подобные союзы участвовать в общественной жизни города. Незамкнутый состав возрастных союзов был тем более важен, что они были связаны с деятельностью официальных органов городского управления: недаром до нас дошло сравнительно большое количество постановлений, принятых совместно народным собранием, буле и возрастными союзами (например, постановления, совместные с герусией, — МАМА, VIII, 479, 483, 488, 490 и др.; совместно с «молодыми» — III, 546). Участие в возрастных союзах включало их членов и в общеимперскую (через обслуживание культа Августов), и во внутриволисную (через контакты с городскими органами управления) организацию, поддерживало ощущение коллективности повседневной жизни.

Однако, если судить по немногим, к сожалению, дошедшим до нас спискам членов возрастных союзов, последние охватывали далеко не все гражданское население, не говоря уже о жителях города вообще. Полуофициальный характер этих союзов, относительная многочисленность их членов (по сохранившимся данным — от семидесяти до полутора сотен⁴⁰) не удовлетворяли потребности некоторых людей в более тесном общении.

В римский период в греческих полисах продолжали существовать различные религиозные товарищества, охватывавшие меньшее, чем возраст-

³⁸ Вопрос о возрастных союзах в малоазийских провинциях и их роли в общественной жизни рассмотрен в статье: *Свенцицкая И. С.* Полис и империя: эволюция императорского культа и роль возрастных союзов в городах малоазийских провинций I—II вв. — ВДИ, 1981, № 4.

³⁹ *Jones A. H. M.* Greek Cities from Alexander to Justinian. Oxf., 1940, p. 182 f.

⁴⁰ *MacMullen R.* Roman Social Relations 59 BC to AD 284. L., 1974, p. 83.

ные союзы, число людей (наиболее распространенное название их — фиасы). Ряд таких религиозных товариществ для того, чтобы иметь возможность открыто поклоняться своему божеству, почитали его вместе с императором (например, асклепиасты в Пергаме были одновременно почитателями Августов ⁴¹).

Засвидетельствованы достаточно многочисленные союзы в честь восточных божеств: Исида и Сераписа, Сабасия, малоазийских Мена и Матери богов. Некоторые из этих союзов называют себя «терапевтами» — служителями ⁴². Терапевты Сераписа и Исида существовали в Магнесии на Сипиле ⁴³, союз вокруг культа этих же богов был в Кизике ⁴⁴ и многих других городах. В надписях упоминаются союзы в честь Асклепия Сотера, по-прежнему очень популярен Дионис ⁴⁵. Встречаются и редкие союзы: так, во времена Августа в Малой Азии был союз саббатистов, объединившихся вокруг бога Саббатия (в этот союз входили полноправные члены и «друзья» — гетайры). Соколовский пишет, что членами этой группы не обязательно были иудеи ⁴⁶, а скорее всего местные «почитатели субботы», создавшие свое объединение под влиянием иудаизма. Гетайрами — как и φίλοι в других союзах — называли, по всей вероятности, сочувствующих данному религиозному объединению людей.

Религиозные товарищества в римское время продолжали заботиться о погребении своих членов: в одной из надписей малоазийского города Глоса указано, кто может быть погребен в коллективной гробнице, принадлежавшей союзу: кроме членов союза там можно хоронить жен, детей и одного внука, а в нижней усыпальнице — вскормленников членов союза ⁴⁷. Из этой надписи следует, что союз обеспечивал погребение и семье своего члена, но родственные связи, признаваемые союзом, не шли дальше старшего внука, а боковые связи не учитывались совсем. Кажется важным и наличие общей усыпальницы: разрушение родовых связей в период империи зашло достаточно далеко, религиозное сообщество заменило эти связи настолько, что и после смерти сотоварищи хотели похорониться не со своими предками, а рядом друг с другом.

В уставах союзов периода империи появляются этические требования к вступающим в союз и оговариваются нормы их поведения. Так, в уставе эранистов из Аттики II в. н. э. сказано, что в союз может вступать только чистый, благочестивый и благородный человек ⁴⁸. Интерес представляет устав фиаса из Фиска (Македония) тоже II в. ⁴⁹ Этот союз носил имя Аманда (вероятно его основателя); фиас объединял почитателей Диониса — буколов и менад. Участники вносили определенные суммы, участвовали в совместных празднествах и трапезах. Участие в собраниях (синодах) было обязательным: за непосещение и опоздание полагался штраф в пользу союза. Менадам и буколам запрещалось возбуждать и ругать (*μη ἐπηρεάζειν μηδὲ λοιδορῆσαι*) друг друга под страхом штрафа (менаде — менаду, буколу — букола: по-видимому, на празднествах они выступали раздельно). Устав этот был утвержден на общем собрании. Конец устава не сохранился, но на основании дошедшего текста можно говорить о равенстве менад и буколов, которые уплачивают одинаковый штраф (в отличие от устава союза I в. до н. э. из Филадельфии, который

⁴¹ Robert. Op. cit., p. 63.

⁴² По мнению М. М. Елизаровой, терапевты были служителями божества, не принадлежавшими к жреческому сословию (Елизарова М. М. Община терапевтов. М., 1972, с. 127 сл.).

⁴³ Robert L. (ed.). Inscriptions de Lydie.— Hellenica, 1948, VI, p. 9.

⁴⁴ Ziebarth. Op. cit., S. 49.

⁴⁵ См. упоминание о союзах вокруг дионисийского культа: Robert. Etudes anatoliennes, p. 62.

⁴⁶ Sokolowski. Lois sacrées d'Asie Mineure, № 80, p. 182.

⁴⁷ Как указывает Робер (Etudes anatoliennes, p. 64), о заботе религиозных союзов о погребениях часто упоминается в надписях Лидии.

⁴⁸ Sokolowski. Lois sacrées de cités grecques, № 53.

⁴⁹ Ibid., № 181.

предусматривал более суровые наказания для женщин, чем для мужчин). Равенство членов союза не должно было омрачаться никакими индивидуальными симпатиями и антипатиями, во всяком случае в их публичных крайних проявлениях. Характерно также включение женщин в дионисийский союз: та тенденция, которая слабо проявлялась, как указывал Нильссон, в дионисийских объединениях эллинистического периода, здесь видна уже достаточно явно. В фиасе Аманда сакральное действо должно было объединить внутренне всех, и обязанности перед союзом у всех были одни и те же. Фиас Аманда раскрывает нам ту потребность в коллективных формах общения, в ощущении равенства перед почитаемым божеством, которую должны были удовлетворить многочисленные религиозные товарищества времени империи, и в то же время позволяет понять одну из причин, почему из религиозных союзов подобного типа не могло развиться достаточно широкое движение: излишне жесткими были в них внутренняя регламентация и система наказаний, затрагивавшая материальное благополучие (в чем, между прочим, состояло существенное отличие от первых христианских общин).

Как и в эллинистический период, общее отправление культа почитаемого божества, совместное препровождение свободного времени оставались основным содержанием деятельности союзов. В некоторых религиозных объединениях именно отправление культа занимало первое место: прежде всего это относится к союзам вокруг культов умирающих и воскресающих богов, таких, как Аттис, Сарапис, Дионис-Загрей, где важную роль играли мистерияльные действия. Характерно, что античные авторы воспринимали как такого рода религиозный союз и христиан, называя их фиасотами (см. Origenes, *Contra Celsum*, II, 23), а их общину — фиасом (Lucianus, *Peregr.* 11). Отличие христиан от членов других религиозных объединений (впрочем, как и почитателей Гекаты, Сабазия и других подобных божеств, с которыми сближает их Целс), по мнению этих авторов, заключалось в тайности их действий, в том, что они не воздвигают святилищ, не устраивают открыто общих собраний. Из этого противопоставления еще раз можно заключить об обязательности святилища и места для собраний у большинства религиозных союзов. Но если судить по названиям некоторых религиозно-товарищеских объединений, были союзы, которые на первый план выдвигали не культовые действия (при наличии общего культа), а товарищеские связи, общее времяпрепровождение: Л. Робер упоминает надпись союза «пирующих» (*ποτασταί*) из г. Филипп, объединенных вокруг культа божества Сурегета (союз назывался симпозион бога Сурегета). Из района Смирны дошла надпись III в. н. э. (все члены союза носят имя Аврелий), в которой катекия чествует союз *Εὐφρέμοι*, по мнению Л. Робера, также созданный для развлечения⁵⁰. В союз входило всего десять человек; чествуются они за денежный взнос в пользу своей родины. Начинается надпись с посвящения отеческим богам и богам Августам. Надпись интересна во многих отношениях: по-видимому, в III в. товарищеские союзы возникают уже и в самоуправляющихся сельских поселениях, какими были катекии⁵¹. Важно отметить и узкий состав этого союза: стремление к более тесным контактам приводило к тому, что в союзы, которые носили прежде всего дружеский характер, входило небольшое количество членов. В то же время союз не был изолирован от коллектива общины, внутри которого он находился: члены его оказывали услуги своему поселению и получали от него почести. И, наконец, судя

⁵⁰ Robert. *Études anatoliennes*, p. 65.

⁵¹ Е. С. Голубцова отмечает, что в сельских общинах Малой Азии обращения к богам от имени группы или коллегии сравнительно редки. Она разбирает посвящение, сделанное «юношами» (*νεανία*) танайтенов Зевсу Дионису, и надгробный памятник, поставленный «гетайрами» (см. Голубцова Е. С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии I—III вв. М., 1977, с. 136 сл.). Я согласна с автором в том, что нет основания связывать этих гетайров с гетайрами сабатистов.

по начальному посвящению, этот союз чтит отеческих богов и богов-императоров. Можно думать, что не только члены полуофициальных, достаточно многочисленных по составу возрастных союзов были связаны с общественной жизнью города, но и более мелкие дружеские и религиозные союзы, с одной стороны, стремились создать небольшую контактную группу, а с другой — в качестве группы включались в более широкий коллектив полиса или катекии, а через почитание императоров — в общеимперскую жизнь.

Правда, были и такие маленькие объединения, которые вряд ли могли играть роль группы в общественной жизни города: среди надписей Эфеса, фиксирующих собственников того или иного городского участка, есть надпись, поставленная тремя друзьями: даны их имена и слово φίλοι (Inscr. v. Ephesos, 545). В данном случае эти люди декларировали прежде всего свои дружеские связи — не совладельческие, не религиозные, а именно дружеские. Появление подобных групп (надпись сделана не ранее второй половины II в.), так же как и восхваление дружбы как одного из главных благ, даруемых людям (см. Inscr. v. Ephesos, 555), показывает, что тенденция к неофициальному общению была достаточно сильной и, вероятно, усиливалась по мере размывания структуры античного полиса в период империи. Нужно думать, что в религиозных объединениях (как и в профессиональных, о которых см. ниже) осознание чисто дружеских связей играло значительную роль.

Одной из существенных особенностей коллективного быта в греческих полисах времени империи было распространение профессиональных объединений. До нас дошло (главным образом из малоазийских провинций) большое число надписей, поставленных различными союзами ремесленников, назывались они по-разному: синд, синергасия, симбиосис или просто — «такие-то». Создание объединений ремесленников в I — начале II в. можно отнести за счет влияния римского образа жизни, которое в данном случае не было официальным (римские власти, как известно, относились к коллегиям с опасением — достаточно вспомнить запрещение Траяна организовать коллегию пожарников). Знакомство греков с римскими коллегиями могло произойти путем прямых контактов как в самих провинциях, так и в Италии. Жители Римской державы в первые века нашей эры были достаточно мобильны: А. Малерб приводит много примеров переездов и путешествий римлян, в том числе и простых людей. Наиболее впечатляющий пример — мобильность купца из Фригии, который в течение своей жизни 72 раза ездил в Рим ⁵².

Профессиональные объединения оказались той формой микросообщества, которая удовлетворяла потребности городского трудящегося населения в неформальном общении, придавала вес и значимость их членам, которых каждый в отдельности ремесленник не имел (особенно если речь шла о непрестижных профессиях ⁵³), создавала ощущение социального равенства внутри сообщества, что было особенно важно в связи с иерархической общественной структурой греческого полиса периода империи, о которой упоминалось выше.

Объединялись, как правило, ремесленники одной профессии: гончары, изготовители плащей, серебряных дел мастера (союз, многократно упоминаемый в надписях Эфеса), медники, пекари, изготовители льняных и шерстяных тканей, кожевники, различные торговцы (в том числе и работорговцы — IGRR, IV, 1257, Тиатира ⁵⁴) и мн. др. Броутон отмечает от-

⁵² Malherbe A. J. Social Aspects of Early Christianity. Baton Rouge, 1977, p. 72.

⁵³ Перечень профессий, о которых греческие и римские авторы отзывались с неуважением, приводится в книге: MacMullen. Roman Social Relations..., p. 138—141; среди них — сукновалы, мелкие торговцы, красильщики, изготовители льняных тканей и т. п.

⁵⁴ Перечень профессиональных объединений в греческих городах римского времени дан в упомянутой книге Цибарта; более новые данные (не меняющие оценки характера союзов) приведены Броутоном (An Economic Survey of Ancient Rome/Ed. T. Frank V.

существование упоминаний о прядильщиках — прядение, по-видимому, оставалось на уровне домашнего, женского ремесла. В отдельных городах объединялись ремесленники близких профессий: например, в Смирне существовал союз серебряных и золотых дел мастеров, в Лаодикее — союз валяльщиков и красильщиков и т. п.; в то же время был союз ремесленников, живших на улице кожевников в Апамее, каннабариев — мелких лавочников — в Сервилиевои стое в Эфесе⁵⁵. Если союзы живших на улице кожевников, вероятно, охватывали всех — или значительную часть ремесленников данной профессии, — то вряд ли в таком крупном городе, как Эфес, каннабарии сосредоточивались только в одном районе — было, по-видимому, несколько их объединений в разных местах города. Наконец, существовали просто территориальные объединения внутри города (например, «живущие в акрополе» в Пергаме — *Inscr. v. Pergamon*, 280), куда входили, вероятно, люди разных занятий, жившие по соседству.

Таким образом, наряду с проявлениями идеи общечеловеческой общности, выразившейся, в частности, в появлении некоторых «экуменических» объединений («победители священных игр в ойкумене»), более действенной и преобладающей на уровне повседневной жизни оказалась тенденция к образованию небольших внутрисполских союзов: эти союзы не позволяли людям раствориться в огромной разноплеменной державе, противопоставляли нивелирующему влиянию римского владычества свой микромир, ощущение общности с людьми, живущими рядом, разделяющими ту же систему ценностей. Даже когда на рубеже II и III вв. отдельные ассоциации принимали громкий эпитет «экуменических», реально они думали о своем городе. — так, например, в Милете «экуменический и славнейший союз изготовителей льна» чествовал евергета за благодеяния, оказанные отечеству (*τῆς πατρίδος*)⁵⁶.

Современные исследователи отмечают, что в различные ассоциации подобного рода входило примерно до трети населения данного города; каждая ассоциация включала не более нескольких десятков человек⁵⁷. Большое внимание члены ремесленных союзов — как и члены религиозных товариществ — обращали на организацию общего времяпрепровождения (в частности, на организацию пирушек, жалобы на которые встречаются у некоторых авторов⁵⁸). Совместные трапезы устраивались, по-видимому, за счет кассы союза; за столом все были равны: А. Малерб разбирает слова Плутарха о том, что там, куда каждый приходит со своей едой, кончается товарищество⁵⁹.

Хотя союзы объединяли, как правило, людей одной профессии, данных об их вмешательстве в профессиональную деятельность практически нет. Немногие свидетельства о выступлениях ремесленников I в. н. э. в защиту своих профессиональных интересов говорят о стихийности таких выступлений. Описанный в «Деяниях апостолов» протест эфесских серебряных дел мастеров против христиан, чья пропаганда могла уменьшить сбыт изготавливаемых ими сувениров, — как ни преувеличены могут быть масштабы этого выступления, — явно был стихийным. Ремесленники собрались в театре (по-видимому, к ним присоединились просто любопытствующие): «...одни кричали одно, другие другое, ибо собрание было бес-

IV. Baltimore, 1938, p. 843 ff.); см. также: *Der Kleine Pauly*. В. V. München, 1975 s. v. *Vereinswesen*.

⁵⁵ Ряд поквартальных объединений указывает Мак-Маллен (*Roman Social Relations ...*, p. 134 ff.). Объединения по улицам приведены также Луи Робером (*Études anatoliennes*, p. 533 f.).

⁵⁶ См. *Ziebarth*. *Op. cit.*, S. 103.

⁵⁷ *MacMullen R. Enemies of Roman Order*. L., 1966, p. 174.

⁵⁸ *Idem*. *Roman Social Relations...*, p. 78.

⁵⁹ *Malherbe*. *Op. cit.*, p. 82.

порядочное, и большая часть собравшихся не знали, зачем собрались» (Act. Ap. 19, 32).

Отношение римских властей к профессиональным коллегиям (как и вообще к небольшим союзам, деятельность которых было трудно проконтролировать) было настороженным. Некоторые коллегии получали время от времени привилегии от императоров: Клавдий покровительствовал врачам (коллегия врачей объединялись вокруг культа Асклепия и императора — SEG, IV, 521); Веспасиан освободил от налогов учителей в гимназиях (гимназии были также центрами императорского культа)⁶⁰. Но, как правило, основание коллегий не поощрялось — не из-за их профессиональной деятельности, а из-за опасения властей, что эти организованные сообщества могут стать центром каких-либо оппозиционных выступлений. Траян запретил организовать коллегия пожарников в Никомедии, так как подобные сообщества, считал он, могут рано или поздно превратиться в тайную организацию. Властей пугали не вообще объединения, а объединения и сборища, основанные на достаточно тесных, неподконтрольных властям связях, — так, Плиний с опаской спрашивал Траяна, как ему относиться к массовым приглашениям на свадьбы, по случаю совершеннолетия и т. п. (Plin., Sec. Ep. X, 116), Траян же отвечал, что опасны случаи, когда собирают не просто знакомых, а целые корпорации (ibid., 117). Стихийное собрание, которое произошло в театре Эфеса в связи с выступлениями ювелиров против христиан, по словам автора «Деяний апостолов», было распущено, так как не было причины, которой можно было бы «оправдать такого рода сборище» (Act. Ap. 19, 40). Собрания союзов были запрещены во времена Диона Хрисостома в Прусе (Dio Chr., 48,2—6); сам Дион относился отрицательно к тем профессиональным объединениям, которые многие считают источником беспорядков: это его высказывание относится к изготовителям льна в Тарсе (Dio. Chr., 34, 21). В этих сообщениях и распоряжениях императоров осуждение вызывают не сами союзы, существование которых казалось естественным человеку античного мира, но их участие в волнениях, поскольку в городах, вероятно, только такие союзы и были единственной сколько-нибудь действенной оппозиционной силой.

Со времени Адриана, после легализации коллегий, число надписей, поставленных профессиональными объединениями, заметно увеличивается, хотя содержание их меняется мало (по-прежнему большинство надписей — почетные и посвячительные). В этот период можно проследить связь разрешенных ремесленных коллегий с официальными лицами и органами городского управления. Эта связь, как и в случае с возрастными союзами, осуществлялась либо через участие в общих постановлениях, либо через личные контакты с теми или иными представителями городских провинциальных властей. Среди надписей, упоминающих союзы, есть постановления Гиераполя в честь Гая Агелия Полонида, стратега полиса, агоранома, куратора римлян, было принято от имени буле, демоса, герусии и синодов (IGRR, IV, 818). В Сагалассе постановление красильщиков в честь своего евергета принято согласно решению (догме) буле и демоса⁶¹. Одной из важнейших форм связи между профессиональным союзом и полисной организацией было избрание себе покровителя (евергета) среди верхушки населения города. Примеров можно привести много: красильщики Тиатирры чествовали Аврелия Артемидора, стратега, надзиравшего (ἐπιστάτοισιν) за ремеслом красителей (IGRR, IV, 1265); изготовители льняных тканей того же города — Луция Анниана, филосебаста, ратора, юриста. Среди покровителей ремесленных ассоциаций были лица, связанные с имперской администрацией: кожевники Атталей воз-

⁶⁰ Об отношении императоров к союзам малоазийских провинций см. *Magie. Roman Rule...*, p. 571.

⁶¹ См. *Ziebarth. Op. cit.*, S. 103.

дают почести Титу Флавию Кирейну Александру, куратору римлян, послу к императору (*ibid.*, 1169); тиатирские красильщики ставят надпись в честь прокуратора Августа, занимавшего также военные должности (*ibid.*, 1213). В свою очередь покровители и «благодетели» помогали союзам. По данным эфесских надписей ремесленным корпорациям делались довольно значительные дары, в частности, небольшие портики на агоре. Такие дары исходили от людей, связанных не только с внутригородской жизнью, но и с имперской; так, Марк Фульвий Публикиан Никифор, философаст и асиарх (т. е. верховный жрец провинциального императорского культа) на свои средства воздвиг и передал двум ремесленным корпорациям Эфеса небольшие портики (*Inscr. v. Ephesos*, № 444, 445). Во II в. даже появляются посвящения, поставленные Артемиде, Антонину Пию и серебряных дел мастерам, сформулированные по образцу распространённых посвящений богу, императору и полису (*ibid.*, № 586 — имя посвятителю, к сожалению, не дошло).

Связь ремесленных коллегий с официальными органами власти и высшей администрацией включала эти коллегии в общественную жизнь империи, создавала им возможность защищать свои права, повышала их авторитет среди остального населения. Последнее было особенно важно, так как среди образованных слоев населения восточных провинций сохранялось презрительное отношение ко многим ремесленным профессиям: достаточно вспомнить слова Цельса о том, что в частных домах шерстобитчики, валяльщики сукна, красильщики — грубые мужланы — в присутствии более разумных не смеют открыть рот (*Orig., c. Cels. III, 49*). Но те же красильщики, находясь под покровительством «друга Августов» или асиарха, уже не чувствовали себя «грубыми мужланами».

Однако связь с полисными органами управления и с представителями администрации не формализовала, насколько можно судить по надписям II — начала III в., внутренней жизни профессиональных коллегий. Они продолжали стремиться к совместному времяпрепровождению. Каждая ассоциация имела свои постоянные места с театре и гимнасии: в Эфесе в гимнасии Ведия и в театре найдены надписи с указанием, за каким союзом резервированы места (например, трапедзитов, каннабариев, такой-то синергасии, изготовителей полотенец и т. п.; см. *Inscr. v. Ephesos*, 454). В таком закреплении мест можно увидеть отличие города римского времени от классического полиса: в последнем места в театре (кроме почетного первого ряда) не были закреплены, они даже не нумеровались; граждане получали жетоны, на которых был указан только сектор, где можно было занять место. Но гражданское равенство давно было нарушено в условиях римской державы; теперь ассоциации стремились закрепить за собой как привилегию то, что когда-то было правом всех граждан.

Союзы владели и участками городской земли, как это видно из найденных указателей (например, в Эфесе был отмечен участок серебряных дел мастеров, плотников и т. п. — *Inscr. v. Ephesos*, № 547—549). На участках этих, вероятно, находились здания, где происходили общие собрания членов ассоциаций. Союзы продолжали заботиться о своих членах и погребали их за свой счет: так, в надгробной стеле из Фессалоник III в. сказано, что союз красильщиков в пурпур поставил ее в память Мениппа, сына Амия и Севера тиатирийца (в этот союз входили и переселенцы из других городов)⁶².

Во II в. были случаи открытых выступлений ремесленников⁶³, наиболее известно выступление пекарей Эфеса, по поводу которого было принято специальное постановление римских властей. Надпись, содержащая

⁶² Надпись приведена Л. Робером (*Études anatoliennes*, p. 535).

⁶³ Выступления ремесленников во II в. разобраны в работах: *Buckler W. H. Labor Disputes in the Province of Asia. — Anatolian Studies. Manchester, 1923, p. 28 ff.*; *MacMullen. Enemies of Roman Order, ch. IV*; *Ранович А. Б. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л., 1949, с. 63 сл.*

описание этого выступления, найдена в Магнесии на Меандре и относится к концу II в. Эта надпись, разобранный Баклером, представляет собой распоряжение проконсула Азии, касающееся хлебопек, которые обвиняются в дерзновенных речах (т. е. в подстрекательстве) во время волнений на рынке. Хлебопекам запрещается собираться вместе и в то же время предписывается обеспечивать город хлебом. После текста распоряжения проконсула шел текст постановления буле Эфеса, где сказано, что некто Ермий, бывший предводителем, продемонстрировал безумие руководителей ремесленных мастерских (эргастериархов, — возможно, речь шла о руководителях союзов). Надпись фрагментарна, но можно предполагать, что Ермий, по-видимому, был руководителем хлебопек, которые выставили какие-то «безумные» требования. Интересно отметить, что наказывается не отказ от работы, а участие в беспорядках, может быть, даже организация этих беспорядков. Известно, что хлебопеки Афин во время нехватки зерна тоже устроили там «беспорядки». К середине II в. относится фрагментарная надпись о конфликте со строителями в Пергаме, которым также занимался проконсул. В надписи упоминаются «проценты (со ссуды) с того времени», «надзирающие за работами»; одни строители были прощены (те, которые явились с объяснениями), другим проконсул угрожает ⁶⁴.

При всей их немногочисленности данные о выступлениях ремесленников свидетельствуют о том, что ремесленные союзы на протяжении всего II в. продолжали быть живой, действенной силой; справиться с их выступлениями могло только вмешательство высшей провинциальной власти (может быть, еще и потому, что внутригородское управление не имело уже ни авторитета, ни реальных средств принуждения).

В период Поздней империи, когда полисные формы изжили себя, сведений о ремесленных коллегиях в греческих городах становится все меньше и меньше. Все большую роль для населения империи начинают играть вне- и межгородские объединения людей, в которых основными становятся религиозные, а не профессиональные территориальные связи. Именно общность веры сплачивала христианские общины, но подобные объединения существовали и вокруг культов языческих богов. Ярким примером может служить объединение вокруг культа Мена Аскения — $\xi\epsilon\nu\omicron\iota \tau\epsilon\chi\mu\omicron\rho\epsilon\iota\omicron\iota$. Если в период Ранней империи культ Мена встречался среди божеств фиасов внутри тех или иных городов (например, фиас Мена был в Афинах во II в.), то в Поздней империи в культовый союз Мена Аскения входили жители разных малоазийских деревень, переселенцы из городов, вольноотпущенники, вскормленники, рабы; члены союза носили греческие, фригийские, римские имена; надписи поставлены и на греческом, и на латинском языках (последнее показывает, что в этот культовый союз входили и выходцы из западных областей империи ⁶⁵). $\xi\epsilon\nu\omicron\iota \tau\epsilon\chi\mu\omicron\rho\epsilon\iota\omicron\iota$ не были связаны с каким-либо определенным полисом; как и христианские общины, подобные объединения не включались в политическую структуру уходящего античного мира.

В настоящей работе я пыталась показать (не претендуя на исчерпывающий анализ материала), что для общественной жизни греческих городов эллинистического и римского периодов было характерно существование разнообразных частных сообществ, которые сплачивали жителей этих городов, оставались очагами коллективных форм жизни, компенсируя отсутствие реальной политической деятельности для большинства населения. Основными тенденциями развития частных сообществ было, с моей точки зрения, появление союзов людей смешанного происхождения и смешанных статусов; в римское время статусные связи во многих коллегиях по существу были заменены профессиональными. Если для эллинистического

⁶⁴ См. Buckler. Op. cit., p. 28 ff.

⁶⁵ Hardie M. The Shrine of Men Askaenios at Pisidian Antioch.— JHS, 1912, 32, p. 121 ff.

периода, когда изменение в политическом положении полиса должно было ощущаться особенно остро, мы можем говорить о разнообразии форм ассоциаций, часто не связанных с конкретным городом, где находилась данная ассоциация (во всяком случае, не связанных юридически и духовно), то в римское время, когда включение полиса в огромную державу стало привычным фактом, союзы и коллегии были теми микроячейками, которые сохраняли подобие общественной структуры греческого города восточных провинций, будучи связаны через покровителей с городским управлением, с общегородскими празднествами, а благодаря отправлению культа императоров — и с центральной властью. Разумеется, все это относится только к разрешенным ассоциациям. Те тенденции, которые можно наблюдать в сообществах I—II вв., — стремление к равенству, к чисто духовным ценностям, религиозные поиски — привели к появлению сообществ, хотя и выросших на античной почве, но внутренне античному миру противостоявших. Но анализ подобных религиозных союзов, главные из которых были так или иначе связаны с христианством, выходит за рамки данной статьи.

PRIVATE ASSOCIATIONS IN THE GREEK CITIES
OF HELLENISTIC AND ROMAN TIMES

I. S. Sventsitskaya

In the classical period most clubs and associations within the polis were tied in with its political life (an exception must be made for immigrant groups trying to preserve their own traditions). From the end of the 4th century B.C. the number of private associations began to grow. Two tendencies are characteristic for this period: in a time of weakening internal polis ties some associations concentrated on strengthening family and kinship ties, others sought new forms of combination to meet the requirements of a polyethnic world in which the Hellenistic kingdoms were just taking shape. An example of the first tendency may be seen in various family-cult associations, and of the second in religious associations which admitted persons of different statuses (in some cases combining freemen and slaves) and different nationalities. In this period private extra-polis associations also appeared (the Dionysiac artists). The flowering of private associations comes in the Early Empire. In that period the prevailing types of association in the Greek *poleis* were relatively small religious and religio-friendly societies and craft *collegia*, whose numbers increased under Roman influence. In the 3rd century A. D. friendly associations are attested even in the countryside. Typical of Roman times was the connection of professional *collegia* with city officials and prominent members of the provincial population: some decrees are adopted by *boulé*, *demos* and *collegium* jointly; *collegia* had protectors among the local nobility and Romans domiciled in the province. The importance of the *collegia* is confirmed by the gifts bestowed upon them by influential persons and also by dedications to the god, the emperor and the *collegium* (Ephesus). In a situation where old and dying polis forms could no longer satisfy the need for collective solidarity, that need was met by the formation of religious friendly associations and professional *collegia*, until in the Late Empire the prevailing type became religious associations which had no connections either with professional societies or with any particular city.